

Спор об автономии философии

Е. А. ТЮГАШЕВ

(НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

На протяжении XX в. не утихал спор об автономии философии, начатый в 1910 г. международным журналом «Логос». Предметом спора являлись основания независимости философии от науки и религии и вытекающая из этой независимости возможность верховенства философии в обществе.

Метафора автономии является политико-юридической метафорой, примененной к философскому сообществу в его отношениях с другими познавательными сообществами. Метафора автономии философии имеет определенное эвристическое значение, состоящее, во-первых, в установке на выявление собственных законов философской деятельности и, во-вторых, в указании на возможность при определенных условиях относительно самостоятельного, независимого развития философии.

Ключевым пунктом спора стал вопрос об эмпирической самодостаточности философии. Противники тезиса об автономии философии выступали против «философского империализма» и указывали на зависимость философии как исключительно теоретического мышления от фактов науки и религиозного опыта. Защитники автономии философии утверждали как ненужность эмпирии для оценки априорных философских положений, так и наличие у философии собственного опыта (интуитивного, экзистенциального, социально-практического).

Действительной проблемой является не автономия философии, которая исторически дана — в смысле существования и движения по собственным законам — с момента ее возникновения, а ее суверенитет, допускающий также автономию, эмансипацию и суверенитет науки и религии. Ситуация суверенности философии исторична. Всегда будут существовать философские течения, которые будут видеть свою задачу в служении религии или науке, а также интерпретировать себя в качестве их составных элементов. Но поступательный характер философского процесса создает предпосылки возникновения и таких философских течений, которые, опираясь на собственное социально-практическое основание, добиваются мировоззренческой суверенности философского мышления.

Ключевые слова: спор, автономия философии, самодостаточность философии, суверенитет философии, философский опыт, метафилософия.

Сформулированная И. Кантом установка на автономию философии была актуализирована в XX в. группой молодых российских неокантианцев (С. И. Гессен, Э. К. Метнер, Ф. А. Степун, Б. В. Яковенко), предпринявших в 1910 г. издание международного ежегодника по философии культуры «Логос». Эта актуализация была воспринята как вызов, провокативность которого определялась неоспоримым фактом организационной автономии философии на протяжении практически всей ее истории. Вместе с тем автономия философии оказалась чувствительным вопросом для философского сообщества, поскольку неясными представлялись основания независимости философского мышления от науки и религии, других конкурирующих мировоззрений.

На мой взгляд, одним из недостаточно обсуждавшихся затруднений является неясное значение термина «автономия». С учетом этого я собираюсь показать, что под маской вопроса об автономии философии скрывается вопрос о ее суверенитете.

Напомню редко цитируемое требование автономии философии, сформулированное И. Кантом: «Она должна здесь показать свою чистоту как заключающая сама в себе свои законы, а не как возвестительница тех законов, которые ей нашептывает врожденное чувство или неизвестно какая попечительная природа и которые все

вместе, хотя и лучше, чем ничего, все же не могут служить нам принципами, какие диктует разум и какие должны непременно иметь свой источник совершенно а priori и тем самым и свое повелевающее значение...» (Кант, 1994b: 201).

Требование автономии И. Кант сформулировал применительно к чистой философии, которую он отличал от эмпирической философии (там же: 154–155). В современной терминологии кантовское положение об автономии чистой философии относимо только к теоретической философии. В «Споре факультетов» Кант выступил за автономию (свободу) не только чистой философии, но и философии в целом (Кант, 1994c: 70–71).

Метафора автономии является политико-юридической метафорой, примененной к ландшафту философской мысли. Обращение к политико-юридическим метафорам обычно для метафилософии (например, традиционный образ философии как «царицы наук») и представляется методологически оправданным при описании отношений субординации и подчинения в духовной жизни.

Метафора автономии философии имеет определенное эвристическое значение, которое состоит, во-первых, в установке на выявление собственных законов философской деятельности и, во-вторых, в указании на возможность при определенных условиях относительно самостоятельного, независимого развития философии (или определенных ее разделов).

Обращение к метафоре автономии не только открывает определенные возможности описания статуса философии, но и связывает это описание с конкретными онтологическими диспозициями, в которые включено понятие автономии.

Во-первых, автономия допускает гетерономию — подчинение философии действию более общих законов или действию законов той сферы деятельности, которая в порядке иерархического господства обладает верховенством (например, науки или религии). Если такой господствующей сферы деятельности нет, то философия независима, а автономия философии совпадает с ее суверенитетом. Поэтому философия, будучи автономной, может быть как суверенна, так и несуверенна.

Во-вторых, автономия философии не исключает ее верховенства над подчиненными сферами деятельности. Будучи автономной, философия может обладать верховной властью (суверенитетом) над религией, искусствами или науками, которые будут в зависимости от нее.

Действительно, с Античности философия позиционировала себя как суверена. Кант отмечал деспотизм метафизики как «царицы наук» (Кант, 1994a: 10). Он предлагал правительству расширить суверенитет философии, предоставив ей право испытывать истинность теоретических положений не только науки, но и религии (Кант, 1994c: 71).

Предложенное И. Кантом решение вопроса об автономии философии оказалось проблематичным по меньшей мере в одном отношении: философия признавалась частной наукой, исследующей разум как свой предмет. Развитие психологии в XIX в. подорвало монополию философии на изучение познания. Философия, понимаемая как гносеология, утратила свой предмет, а априорность принципов разума была поставлена под сомнение. Это привело к институциональному кризису философского сообщества в Германии и актуализировало вопрос об автономии философии.

Авторы редакционной статьи первого выпуска русского издания «Логоса» к автономии призвали прежде всего русскую философию. Они с сожалением констатировали: «Основные принципы русской философии никогда не выковывались на мед-

ленном огне теоретической работы мысли, а извлекались в большинстве случаев уже вполне готовыми из темных недр внутренних переживаний» (От редакции, 1910: 2). В статье указывалось на подчинение теоретико-философской мысли в России иррациональным переживаниям, требованиям жизни, этическим и политическим ценностям. В своей озабоченности авторы непосредственно перекликаются с Кантом, которого также беспокоила зависимость философии от чувства, природы, правительства и т. п.

И что же трагичного в зависимости философии от различных социокультурных факторов? По мнению авторов редакционной статьи, из-за этой зависимости русская мысль «двигалась в направлении к хаосу и, сама хаотичная, ввергала в него, поскольку ею владела, и всю остальную культуру России» (там же: 1). Таким образом, от автономии философии, казалось бы, зависела судьба той русской культуры, которой эта философия «владела».

Интересно, что статус русской философии описывался противоречиво. С одной стороны, говорилось об ее сервиллизме, прислужничестве темному иррационализму жизни. С другой стороны, указывалось на мрачный деспотизм русской философии, которая, как представлялось, поработала отдельные области культуры и духа (там же: 2–3).

В результате возникает поразительный образ русской философии как «темного царства». У этой «деспотичной барыни» находятся в крепостной зависимости остальные отрасли культуры, но в своем существовании философия зависит от «крепостных».

Как же виделась отмена «крепостного права» философии в духовной жизни? Авторы редакционной статьи предполагали, что в «культурном государстве» полностью свободная философия должна разграничить области культуры, поставить пределы их требованиям и запросам, указать каждой из них особое место и сделать каждую из них свободной и развивающейся в этих пределах (там же: 6). Философия должна свободно пользоваться обобщенными фактами науки, общественной жизни, религии и искусства (там же: 11). По-видимому, по прообразу Крестьянской реформы в России все отрасли культуры должны были перейти к статусу «временнообязанных» перед философией.

Вступив в полемику с неокантианством, Н. А. Бердяев жестко оценил подобный образ философии, напоминая «пруссский путь» решения земельного вопроса. Он обвинил такую философию в паразитировании на науке и религии, а также в принятии на себя полицейских функций: «Из священного гнозиса превратилась философия в полицейский распорядок отвлеченной мысли, в охрану, в градоначальство, к которому обращаются за разрешением устроить то или иное в царстве мысли и познания» (Бердяев, 1989: 19). Торжество полицейских начал в философии представлялось Н. А. Бердяеву утомительным и оскорбительным.

Поскольку в интерпретации «Логоса» теоретическая философия в своем эмпирическом базисе зависима от науки и пр., то ее автономия оказывалась проблематичной. Н. А. Бердяев констатировал независимость религии и науки, исходящих из собственного опыта, своих источников и корней. Отсутствие собственного опыта вынуждало философию обращаться за фактами к религии и науке (там же: 18–20). А это, по мнению Н. А. Бердяева, неизбежно вело к поработлению философии. «Философа не хотят признать свободным существом, — писал он позднее. — Не успел он освободиться от подчинения религии, вернее, теологии и церковной власти, как

потребовали его подчинения науке. Он освобождается от власти высшего и подчиняется власти низшего. Он сдавливается между двумя силами — религии и науки — и с трудом может дышать» (там же: 16). По Н. А. Бердяеву, автономия философии, безусловно, возможна и необходима, но именно как автономия под суверенной властью религии.

В «Философии свободы» Н. А. Бердяев не находит собственных источников философии. Позднее в «Я и мир объектов» и «Опыте эсхатологической метафизики» он выделяет несколько таких источников. Во-первых, это философская интуиция, которая «первородна», ни из чего не выводима и первична, не зависит от догматов религии и истин науки (Бердяев, 1934: 18). Во-вторых, это опыт человеческого существования во всей его полноте, пережитый, противоречивый и трагический (там же: 18). В-третьих, это эмоции философа, которые Н. А. Бердяев называет первичным экзистенциальным актом, предшествующим всякой рационализации (Бердяев, 1995: 197).

Как видим, взгляды Н. А. Бердяева на проблему оснований автономии философии не остались неизменными. Если первоначально он отрицал наличие у философии собственных источников и корней, то затем попытался их выделить. Его позиция по этому вопросу окончательно так и не определилась, поскольку он по-прежнему видел в религиозном опыте источник «питания» для философии.

Позиция Н. А. Бердяева эволюционировала во время пребывания во Франции под влиянием Ж. Маритена. Автономность философии основывается, по Ж. Маритену, на ее самостоятельности. «Питательной почвой» философии он считал духовный опыт, включающий такие эмоциональные состояния, как «тревога», «тоска» «озаряющая уверенность», «интеллектуальная радость», «великое одиночество или отчаяние духа» и пр. (Маритен, 2004: 86–88). Маритен был убежден, что без этой «почвы» философии бы не существовало.

Наряду с этим Ж. Маритен указал на опасность «философского абсолютизма», угрозу подмены автономии философии ее «абсолютным суверенитетом»: «Я думаю, что философия, как творение разума, основана на естественной очевидности, а не на вере, — но что сам разум, представляющий собой не замкнутый, а открытый мир, создает высочайшие творения и достигает собственной полноты, только если его поддерживает и воодушевляет свет, исходящий от веры. Завоевание философией реальной автономии по отношению к теологии само по себе было нормальным процессом. Несчастье Нового времени заключалось в том, что фактически этот процесс проходил под знаком картезианского сепаратизма и вместо автономии частичной, сообразной ее рангу, философия потребовала абсолютного суверенитета» (Маритен, 2006: 85).

Требование верховенства философии над сферами духа Ж. Маритен считал чрезмерным. Философы Нового времени, на его взгляд, проявили «философский империализм» — стремление подчинить все сферы духа абсолютизму разума, в том числе претендуя на высшее познание бога (Маритен, 2004: 82). В действительности это выражает, по мнению Ж. Маритена, «рабскую зависимость» всей новоевропейской философии от проблематики теологии. Вследствие этого европейская философия оказывается деформированной и функционирует как превращенная форма теологии.

Ж. Маритен полагал, что томистской философии еще предстоит выработать структурную конституцию и внутренний порядок, присущий собственно философии.

фии. А теологии, в свою очередь, нужно отказаться от «теологического империализма» и добиться автономии от философии, достичь самоопределения и саморазвития на основе веры и откровения. Ж. Маритен считает возможной и приветствует автономию каждой из форм познания.

Вопрос об автономии философии рассматривался представителями различных философских течений XX в.

Комментируя кантовское требование автономии философии, М. Хайдеггер писал, что философия «не может допустить и властной сентенции извне» (Хайдеггер, 1991: 26). Но возникает вопрос: почему другие познавательные сообщества должны подчиняться требованиям философии, религии или науки? По-видимому, к оценке отношений между различными формами сознания можно применить признанный в международном праве принцип суверенного равенства государств. Это означает, что за философией, искусством, религией и другими формами сознания следует признавать не только автономию, но и суверенитет в отношении собственного предметного поля. Соответственно у философии нет достаточных оснований притязать на верховенство над другими формами сознания: она автономна и полновластна только в собственных пределах.

В аналитической философии сформировалось движение «философских автономистов». Его сторонники исходят из априорности положений философии и ненужности эмпирических фактов для оценки и прояснения философских утверждений (Stoothoff, 1966: 1). Р. Стусоф подверг эту точку зрения критике и обосновал тезис о возможности использования различных эмпирических данных для обоснования философских утверждений.

Р. Стусоф не одинок в своих убеждениях. Вот как описывал значение эмпирического базиса для философии один из основателей аналитической философии Б. Рассел: «У Локка и Юма сравнительно скромный вывод извлекается из широкого обзора многих фактов, тогда как у Лейбница обширное здание дедукции держится на логическом принципе, как опрокинутая пирамида на своей вершине» (Рассел, 2001: 760–761). Преимущество эмпирической философии, по Б. Расселу, состоит в том, что она надежно фундирована, а лейбницевская система неустойчива из-за ограниченности опыта, возведенного в логический принцип.

Разумеется, возникает вопрос о природе данных фактов: являются ли они собственно философскими или заимствованы у искусства, науки религии и т. п.? Чем определяется тогда самодостаточность философии? Философская традиция показывает, что философия имеет собственные, отличные от науки и религии, корни и источники познания. Классическая традиция усматривает начало философии в чувстве удивления. Следуя же Б. Расселу, как источник философского познания можно рассматривать опыт свободы (см.: Тюгашев, 2012: 19). Возникая из удивления и развиваясь через практики свободы, философия не только автономна, но и способна достичь суверенитета по отношению к искусству, науке, религии, утопии и пр.

Р. Рорти затронул еще один аспект автономии философии, связанный с ее подчинением требованиям общественной жизни. По его мнению, преобладающее в аналитической философии стремление к автономии возвращает к схоластике, самоограничению философии. Рорти призывает философов прекратить заботиться об автономии философии и стать служителями свободы и демократии (Рорти, 1994: 34).

Как представляется, Р. Рорти чрезмерно драматизирует положение философии. Самоопределение философии не исключает выполнение ею социально-политиче-

ской функции, так как она объективно включена (как религия или наука) в ткань общественной жизни. Другое дело, что абсолютизация автономии философии, опирающаяся на иллюзию ее полной самодостаточности, может вести к деспотизму философии и служению противникам свободы и демократии.

Забота об автономии философии правомерна. Но и участие философии в общественной жизни в пределах ее компетенции помогает приобрести практический опыт, образующий ее собственное основание развития, что делает возможной автономию философии в смысле ее самоопределения.

С точки зрения социальной философии сам факт существования отдельных форм познания означает наличие у них автономии. Поскольку эти формы познания в потоке социального движения сохраняют свою идентичность и специфику, то они необходимо обладают собственными законами движения, т. е. автономией.

Проблемой является не автономия философии, а ее суверенитет. Суверенность философии — это не данность, а возможность, которую те или иные течения философии могут актуализировать. Ситуация суверенности философии столь же исторична, как и ситуации автономии тех или иных течений философии. Стихия движения философской мысли порождает как ситуации, когда философские представления вплетены в литературный, религиозный и другие контексты, так и ситуации, в которых философская деятельность достигает автономии и даже достигает суверенности. Вероятно, всегда будут существовать философские течения, которые будут видеть свою задачу в служении религии или науке, а также интерпретировать себя в качестве их составных элементов. Но поступательный характер философского процесса создает предпосылки возникновения и таких философских течений, которые, опираясь на собственное социально-практическое основание, добиваются мировоззренческой суверенности философского мышления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев, Н. А. (1934) Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. Париж : YMCA-PRESS. 190 с.
- Бердяев, Н. А. (1989) Философия свободы. Смысл творчества. М. : Правда. 607 с.
- Бердяев, Н. А. (1995) Опыт эсхатологической метафизики // Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М. : Республика. 383 с. С. 164–286.
- Кант, И. (1994а) Критика чистого разума // Кант И. Соч. : в 8 т. М. : Чоро. Т. 3. 741 с. С. 5–741.
- Кант, И. (1994б) Основы метафизики нравов // Кант И. Соч. : в 8 т. М. : Чоро. Т. 4. 630 с. С. 153–246.
- Кант, И. (1994с) Спор факультетов // Кант И. Соч. : в 8 т. М. : Чоро. Т. 7. 495 с. С. 57–136.
- Маритен, Ж. (2004) Краткий трактат о существовании и существующем // Маритен Ж. Избранное: Величие и нищета метафизики. М. : Российская политическая энциклопедия. 608 с. С. 7–106.
- Маритен, Ж. (2006) От Бергсона к Фоме Аквинскому. Очерки метафизики и этики. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы. 216 с.
- От редакции (1910) // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. М. : Мусагет. Кн. 1. 287 с. С. 1–16.
- Рассел, Б. (2001) История западной философии. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во ; Изд-во Новосиб. ун-та. 992 с.
- Рорти, Р. (1994) Философия и будущее // Вопросы философии. № 6. С. 29–34.
- Тюгашев, Е. А. (2012) Философия как опыт свободы // Вестник НГУ. Серия: Философия. Т. 10. Вып. 4. С. 46–51.

Хайдеггер, М. (1991) О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М. : Высшая школа. 192 с. С. 8–27.

Stoothoff, R. H. (1966) The Autonomy of Philosophy // The Philosophical Quarterly. Vol. 16. No. 62. P. 1–22.

Дата поступления: 10.12.2013 г.

A DISPUTE ABOUT THE AUTONOMY OF PHILOSOPHY

E. A. TYUGASHEV

(NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY)

A debate about the autonomy of philosophy initiated in 1910 by the international journal “Logos” was ongoing throughout the 20th century. The subject matter of the discussion was the foundation of the independence of philosophy from science and religion with consequential possibility of the supremacy of philosophy in society.

The metaphor of autonomy is a political and juridical metaphor applied to the philosophical community in its relationship to other cognitive communities. The metaphor of the autonomy of philosophy carries a certain heuristic meaning, which consists of, firstly, aiming to discern its own laws of philosophical activity; secondly, pointing out the possibility of relatively independent, self-sufficient development of philosophy, if certain conditions are met.

The issue of the empirical self-sufficiency of philosophy has become a key point of the debate. The adversaries of the thesis of the autonomy of philosophy opposed to the “philosophical imperialism” and pointed out the dependence of philosophy on scientific facts and religious experience as a purely theoretical thinking. The defenders of the autonomy of philosophy maintained both the uselessness of empirism to gauge a priori philosophical theses and the existence of philosophy’s own intuitive, existential, and socio-practical experience.

The author proposes that the actual problem is not the autonomy of philosophy, which from its onset is historically given, in a sense of existence and development according to its own laws, but the sovereignty of philosophy permitting the autonomy, emancipation and sovereignty of religion and science. The situation of the sovereignty of philosophy is historical. There will always be philosophical movements, which consider serving science or religion as their task and interpret themselves as their constituents. But the progressive nature of philosophical process creates the prerequisites for the rise of such philosophical movements which, being based on their own socio-practical foundation, achieve the sovereignty of the philosophical thought.

Keywords: dispute, autonomy of philosophy, self-sufficiency of philosophy, sovereignty of philosophy, philosophical experience, metaphilosophy.

REFERENCES

Berdiaev, N. A. (1934) *Ia i mir ob'ektov. Opyt filosofii odinochestva i obsbcheniia* [Myself and the World of Objects. An Experience of Loneliness and Communication]. Paris, YMCA-PRESS. 190 p. (In Russ.).

Berdiaev, N. A. (1989) *Filosofii svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity]. Moscow, Pravda Publ. 607 p. (In Russ.).

Berdiaev, N. A. (1995) Opyt eskhatologicheskoi metafiziki [The Experience of Eschatological Metaphysics]. In: Berdiaev N. A. *Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesaria* [The Kingdom of Spirit and the Kingdom of Caesar]. Moscow, Republic Publ. 383 p. Pp. 164–286. (In Russ.).

Kant, I. (1994a) *Kritika chistogo razuma* [The Critique of Pure Reason]. In: Kant I. *Sochineniia* [Works]: in 8 vols. Moscow, Choro Publ. Vol. 3. 741 p. Pp. 5–741. (In Russ.).

Kant, I. (1994b) *Osnovy metafiziki nravov* [The Groundwork of the Metaphysics of Morals]. In: Kant I. *Sochineniia* [Works]: in 8 vols. Moscow, Choro Publ. Vol. 4. 630 p. Pp. 153–246. (In Russ.).

Kant, I. (1994c) *Spor fakul'tetov* [The Conflict of the Faculties]. In: Kant I. *Sochineniia* [Works]: in 8 vols. Moscow, Choro Publ. Vol. 7. 495 p. Pp. 57–136. (In Russ.).

Maritain, J. (2004) *Kratkii traktat o sushchestvovanii i sushchestvuiushchem* [A Short Treatise on the Existence and Existing]. In: Maritain J. *Izbrannoe: Velichie i nishcheta metafiziki* [Selected Works. The Grandeur and Poverty of Metaphysics]. Moscow, Russian Political Encyclopedia Publ. 608 p. Pp. 7–106. (In Russ.).

Maritain, J. (2006) *Ot Bergsona k Fome Akvinskomu. Ocherki metafiziki i etiki* [From Bergson to Thomas Aquinas. Essays on Metaphysics and Ethics]. Moscow, St. Thomas Institute of Philosophy, Theology and History Press. 216 p. (In Russ.).

Ot redaktsii [Editorial Note]. (1910) *Logos. Mezhdunarodnyi ezhegodnik po filosofii kul'tury* [Logos. The International Annual on the Philosophy of Culture]. Moscow, Musaget Publ. 1287 p. Pp. 1–16. (In Russ.).

Russel, B. (2001) *Istoriia zapadnoi filosofii* [The History of Western Philosophy]. Novosibirsk, Siberian University Publ. ; Novosibirsk University Press. 992 p. (In Russ.).

Rorty, R. (1994) *Filosofia i budushchee* [Philosophy and the Future]. *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 29–34. (In Russ.).

Tyugashev, E. A. (2012) *Filosofia kak opyt svobody* [Philosophy as an Experience of Freedom]. *Vestnik NGU* [Herald of Novosibirsk State University]. Series: Philosophy, vol. 10, no. 4, pp. 46–51. (In Russ.).

Heidegger, M. (1991) *O sushchnosti istiny* [On the Essence of Truth]. In: Heidegger M. *Razgovor na proselochnoi doroge* [Conversations on a Country Road]. Moscow, Higher School Publ. 192 p. Pp. 8–27. (In Russ.).

Stoothoff, R. H. (1966) *The Autonomy of Philosophy*. *The Philosophical Quarterly*, vol. 16, no. 62, pp. 1–22.

Submission date: 10.12.2013.

Тюгашев Евгений Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Новосибирского государственного университета. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2. Тел.: +7 (382) 266-73-89. Эл. адрес: tugashev@academ.org

Tyugashev Evgeny Aleksandrovich, Candidate of Science (philosophy), associate professor of the Theory and History of State and Law, Constitutional Law Department, Novosibirsk State University. Postal address: 2 Pirogov St., Novosibirsk, Russian Federation, 630090. Tel.: +7 (382) 266-73-89. E-mail: tugashev@academ.org